

ЛУКОМОРЬЕ

2-е издание
№ 3
1913

ЛУКОМОРЬЕ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И САТИРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛЪ.

Ставящий своею задачею художественное отраженіе жизни во всѣхъ ея областяхъ.

Въ настоящее время особенное вниманіе удѣляется войнѣ, событія которой иллюстрируются извѣстными художниками.

Въ журналѣ печатаются повѣсти, рассказы, фельетоны, стихи лучшихъ современныхъ писателей, помѣщаются произведенія выдающихся художниковъ, даются иллюстраціи событіи, каррикатуры, шаржи.

Особенностью журнала являются красочные рисунки.

Открыта подписка

на второй годъ изданія 1915-ый. Цѣна на годъ съ доставк. и перес.—9 р., на полгода—5 р., на 3 м.—3 р., на 1 м.—1 р. 50 к.

Деньги просить адресовать: Петроградъ, Невскій пр., д. 40. Конторѣ журнала «Лукоморье». Подписка принимается кромѣ того въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» въ Москвѣ, Одессѣ, Саратовѣ, Ростовѣ на Дону и Харьковѣ.

Редакторъ-Издатель М. А. Суворинъ.

Завѣдыв. художеств. отдѣломъ Г. Магула.

Редакція:
Петроградъ, Эргелевъ пер., 18.
Телеф. 660-17.

Конскій Спортъ

Контора: Невскій пр., 52
(«Вечернее Время»)
Телеф. 155-54.

подъ редакціей Б. А. Суворина.

ЖУРНАЛЪ ВЫХОДИТЪ НАКАНУНЪ ПЕТРОГРАДСКИХЪ ВЪГОВЪ И СКАЧЕКЪ

Подписная цѣна 12 р. въ годъ; 7 р. на 1/2 года; 4 р. на 3 м. и на 1 м. 1 р. 50 к. съ перес. и дост. За границу 22 р., 12 р. 7 р. и 2 р. 50 к. Перемѣна адреса 80 к. Цѣна отд. № 20 коп. Объявл. передъ текет. 50 к., послѣ текста 25 к. за стр. петита въ 1 столб.

КОЕ-КТО КОЕ-ЧТО

ВЕСЕЛЫЕ РАЗСКАЗЫ.

Изданіе третье, дополненное.

Цѣна 1 рубль.

БОГАТѢЙШІЙ ВЫБОРЪ
АНГЛІЙСКИХЪ ДАМСК. БЛУЗЪ
ШЕЛКОВ., ФЛАНЕЛЕВ. и шерстян.

ГOTOВЫЯ и НА ЗАКАЗЪ
въ специальномъ магазинѣ

П. С. КУЗНЕЦОВЪ.

ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ ВЪЛЪЯ.

Невскій пр., 66.   Телеф. 196-02.
Фирма отдѣлений не имѣетъ.

Поступило въ продажу ВТОРОЕ, значительно дополненное, изданіе книги

А. С. РЕЗАНОВА:

НѢМЕЦКІЯ ЗВѢРСТВА.

Изданіе М. А. СУВОРИНА.

Книга составлена по рассказамъ потерпѣвшихъ и очевидцевъ, а также по официальнымъ документамъ.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Дополненія отдѣльной книгой—цѣна 1 руб.

Готовятся къ печатанію переводы книги на французскій, англійскій и итальянскій языки.

Продается въ книжныхъ магазинахъ Товарищества А. С. Суворина—«Новое Время», Вольфа, Карбасникова и др., а также въ киоскахъ желѣзныхъ дорогъ.

Журналъ «Лукоморье» набирается на машинѣ «Монотипъ».

БИБЛИОТЕКА
Академии Наук
СССР

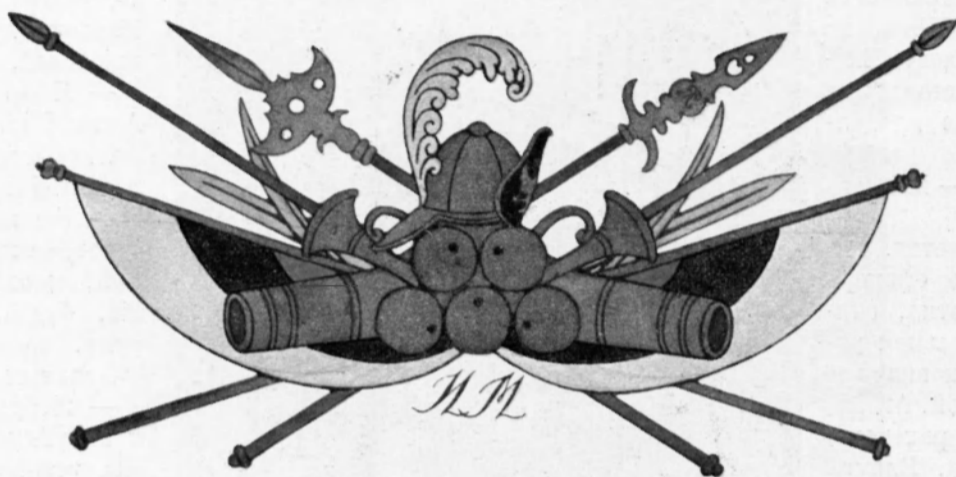

Его Императорское Высочество Принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій.

ЛУКОМОРОЕ

№ 3.

17 января 1915 г.

Высокая защита.

Уже третий день гдѣ-то за пригоркомъ, за монастырской рощей тяжело вздыхаютъ пушки и неустанно жужжатъ пулеметы, кажется, крупный градъ барабанитъ по крышѣ, и не выдержитъ темный куполь, и обломится.

Звуки близкаго боя сливаются съ тяжелыми ударами монастырскаго колокола, стараго колокола звонкой мѣди. И голосъ его столько времени безраздѣльно царившій въ уединенной долинкѣ, теперь заглушается голосомъ смерти.

Три дня непрерывно служатъ молебень въ монастырской церкви. Три дня споритъ колоколь съ враждебными звуками. Монашенки не ложатся спать, не ѣдятъ. Блѣдныя, истомленные, въ длинныхъ черныхъ одеждахъ, со свѣчами въ рукахъ, въ молитвенномъ экстазѣ простираютъ онѣ руки къ алтарю. Полные слезъ, глаза обращены къ знакомымъ лицамъ святыхъ угодниковъ. Совсѣмъ близко съ бѣлой лиліей въ рукѣ съ крылами за спиной ангель возвѣщаетъ благую вѣсть Маріи-дѣвѣ. Строгий скорбный взглядъ синихъ глазъ святого Николая, поднятая къ благословенію рука. А вотъ они четверо: со львомъ, ягненкомъ, орломъ и книгой, благіе и милостивые, помощь съ высотъ своихъ неужто жъ не пошлютъ?

И кроткая Матерь Божія съ младенцемъ на рукахъ развѣ не умолитъ Вседержителя? Или за грѣхи то заслуженная кара, и безъ ропота надо принять ее?—И не ропшутъ монашенки. Только день ото дня блѣднѣютъ ихъ лица, скорбью наливаются глаза. Молитвъ не слышно, и кажется, что не пушки грохочутъ вдаль, а колоколь, старшій звонкій колоколь разсердился на людей и посылаетъ имъ смерть и разрушеніе.

Но вотъ распахнулась наружная дверь, и вмѣстѣ со струей холоднаго воздуха и отчетливаго грохота орудій, доносятся человѣческіе голоса.

Игуменя прерываетъ молитву. Два человѣка съ бѣлыми съ краснымъ крестомъ повязками на рукахъ выше локтя объясняютъ дѣловито и взволнованно.

— Надо помѣстить къ вамъ раненыхъ. У васъ останется докторъ и сестры милосердія. Монашенки должны будутъ помогать.

Игуменя набожно прижимаетъ сложенные пальцы къ груди.

— Мы исполнимъ волю Господа. Но монастырь не безопасенъ,—говоритъ она тихо.

— Нѣтъ, успокойтесь, матушка, наши одолѣютъ. Помогите перенести раненыхъ.

Три монашки выходятъ изъ толпы. Матушка вызываетъ еще нѣсколько и онѣ уходятъ за санитарями. Носилокъ не хватаетъ. Раненыхъ переносятъ прямо на рукахъ. Сперва ихъ укладываютъ въ кельяхъ на чистыхъ дѣвичьихъ постеляхъ, потомъ спѣшно бѣгутъ въ сарай за соломой. На дворѣ грохотъ такъ силенъ, что надо кричать, громко кричать слова, чтобы быть услышаннымъ. Солому раскладываютъ прямо на полу въ мастерской, наскоро убирая станки, пальцы, катушки съ золотомъ и шелковые мотки. Наконецъ, нѣсколькихъ человѣкъ помѣстили въ самой монастырской церкви.

Сестра Аглая вмѣстѣ съ другими усердно помогала санитарямъ и милосерднымъ сестрамъ. Она устала и отъ бессонныхъ ночей, и отъ непрерывнаго гула, и отъ страха и смятенія душевнаго. Тонкая и блѣдная, она, кажется, очень молоденькой, но лобъ изборозженъ морщинами и горькая складка портитъ ровную линію губъ.

Она несетъ растворъ борной кислоты и помогаетъ сестрѣ милосердія Екатерины Степановны, промывать раны, накладывать перевязки. Она нѣжно наклоняется къ больному, бережно подымаетъ прострѣленную руку, снимаетъ наскоро наложенную,

пропитанную кровью перевязку, осторожно промывает рану.

— Хорошо, что васъ не пугаетъ кровь,—говоритъ Екатерина Степановна:—а то многія не могутъ вынести.

Нѣтъ, Аглаю не пугаетъ кровь, хотя она и вздрогнула отъ словъ сестры. Сколько съ дѣтства, живя въ деревнѣ, видѣла она некрасивыхъ сценъ, страшныхъ людскихъ болѣзней. Нѣтъ, не пугаетъ кровь. Но слова Екатерины Степановны заставляютъ ее дрожать и первиче продолжать свое дѣло.

— Пить... пить... — шепчетъ раненый у ея ногъ.

Она быстро наклоняется. Распахиваетъ на груди офицера сорочку тонкаго полотна, спмаетъ бинтъ. Огнестрѣльная рана. Екатерина Степановна качаетъ задумчиво головой. Аглая, поддерживая голову раненаго, подаетъ ему напитокъ. Вдругъ она замѣчаетъ широкій бѣлый рубецъ на плечѣ его. Она вздрагиваетъ, внимательно всматривается въ блѣдное, липкимъ потомъ покрытое лицо, и въ жуткомъ волненіи закрываетъ глаза.

— Вамъ дурно?—спрашиваетъ Екатерина Степановна. — Походите, отдохните, вы устали.

Да, конечно, она устала. Аглая еще разъ взглядываетъ въ лицо раненаго. Ей кажется, что и онъ посмотрѣлъ на нее. Она подымается и идетъ между тѣлами больныхъ, шатаясь, не сознавая окружающаго. Уже у дверей ее осѣняетъ мысль, что въ ея кельѣ тоже лежатъ солдаты, и что итти ей въ сущности некуда. Она возвращается обратно, подымается по ступенямъ ближе къ образамъ и безъ силъ склоняется у ногъ Николая Чудотворца. Нѣтъ мыслей въ головѣ, и не чувствуетъ она ни жесткихъ плитъ ни озноба, что ломитъ ея тѣло, не видитъ и цѣлебныхъ, всепрощающихъ, спасительныхъ синихъ глазъ святого Николая.

Аглая не могла бы опредѣлить, сколько времени пролежала она такъ неподвижно, безъ думъ, безъ чувствъ. Въ монастырѣ кипѣла работа и никому не было дѣла до сестры Аглаи. Наконецъ она очнулась, поднялась, осѣнила грудь крестнымъ знаменіемъ, и оглядѣлась кругомъ. Въ церкви стоялъ теплый полумракъ; только

нѣсколько свѣчей въ большой люстрѣ подъ потолкомъ горѣли. Дѣловито сповали монашки черными тѣнями. Екатерина Степановна сидѣла на табуретѣ подлѣ раненаго офицера. Аглая рѣшительно подошла къ ней.

Икона Богоматери въ соборѣ Св. Георгія во Львовѣ. На одѣяніи малороссійская вышивка. Подъ иконой подпись: «Пречиста Дѣва Мати Рускаго Краю».

— Я отдохнула,—твердо сказала она:—и буду дежурить всю ночь.

Екатерина Степановна отвела ее слегка въ сторону и сказала, понижая голосъ:

— Тутъ есть офицеръ. Онъ очень плохъ. Побудьте съ нимъ. А я обойду остальныхъ.

Екатерина Степановна отошла, а Аглая заняла ее мѣсто на табуретѣ. Теперь она была совсѣмъ тверда и покойна. Она снова дѣловито огля-

дѣла больнаго. Онъ открылъ глаза, будто разбуженный ея пристальнымъ взглядомъ.

— Агаша!—прошептали растрескавшіяся губы.

Аглая склонилась къ нему.

— Узналь?

Онъ закрылъ глаза.

Вблизи раздался стонъ, и Екатерина Степановна спѣшно подошла на помощь монашенкѣ Марфушѣ. Потомъ обернулась къ Аглаѣ.

— Я пройду въ кельи, а то Аппѣ Павловѣ не управиться... Посмотрю, что тамъ дѣлается. Не отлучайтесь отсюда.

— Какъ хорошо, что ты здѣсь,—снова заговорилъ раненый, и сдѣлалъ слабое движеніе, будто хотѣлъ протянуть руку.

Аглая взяла его руки въ свои.

— Я буду ходить за тобой, я не уйду отъ тебя,—шептала она успокоительно.

— Ахъ, не важно, вдругъ заволновался онъ:— не важно... ты не слышишь, какъ бой стихаетъ?

Онъ пытался подняться. Аглая, поддерживая его голову, говорила:

— Да, да, стихаетъ... успокойся...

Сказала и только сейчасъ поняла, что шумъ битвы, правда, ослабѣлъ, и колоколь, звучащій зловѣще, какъ набатъ, замолкъ. Зато отчетливо допеслись шумы и голоса съ улицы. Вошла Екатерина Степановна.

— Привезли новую партию раненыхъ. Кто свободенъ, идите помогать. Размѣстимъ ихъ въ кладовыхъ.

Аглая осталась на мѣстѣ, все еще поддерживая за плечи офицера.

— Агаша, прости,—вдругъ зашептала онъ, закрывая глаза и грузно наваливаясь на руки сестры.

— Прости...

Онъ потерялъ сознание и уже въ бреду повторялъ все одно и то же слово: «прости... прости...»

Аглая уложила его снова на солонѣ, оправила покрывало, и, подперевъ голову руками, долго смотрѣла въ измѣнившееся, такъ пламенно любимое лицо. Да, да, любимое, несмотря ни на что.

Эта ночь у постели умирающаго стала для Аглаи ночью воспомина-

ний. Ясно, так ясно увидѣла она себя простоволосой, босоногой деревенской дѣвченкой. Даже почувствовала приятный холодокъ, будто окупала, какъ бывало, голую ногу въ ручей. Хорошій ручей въ барскомъ лѣсу, звонкій, чистый...

— Опять ты грязными ногами начкаешь мою воду,—притворно строго кричитъ барчукъ, сыгъ помѣщика, Володя.

Ему уже семнадцать лѣтъ, онъ старше Агашы (но-просто Агафьи) почти на три года. Но Агаша его нисколько не боится; сперва ее повергла въ трепетъ дикованная форма питерскаго барина, но скоро онъ замѣнилъ свой парадный пажескій мундирчикъ удобной рубахой-косовороткой, и сталъ обыкновеннымъ и вовсе не страшнымъ. Совсе не страшнымъ... напротивъ...

— Ишь, какой строгій, воды жалко!—звонко кричитъ она ему въ отвѣтъ и парочко влѣзаетъ обѣими ногами въ ручей, выше колѣнъ подбирая юбки.

— Ахъ, ты не слушаешься! Постои же!

Онъ бѣжитъ къ ней, но она выскакиваетъ на противоположный берегъ, и пока онъ находитъ поуе мѣстечко, чтобы перескочить ручей, она уже далеко въ лѣсу.

Онъ бѣжитъ за ней и она, смѣясь, даетъ себя схватить за талию. Потомъ они чинно идутъ по лѣсу, разговаривая. Володя такъ интересно рассказываетъ о Петроградѣ, такъ интересно. И какіе тамъ дома, и улицы, и сады, и театры, и наряды. Господи, вотъ бы съѣздить!

— Подожди, Агаша, вотъ жешось, и тебя къ себѣ жить возьму.

Но Агашу почему-то не прельщаетъ подобный планъ, и она, внезапно сорвавшись, бѣжитъ въ чащу, безъ дороги, цѣпляясь юбкой за кусты, цараная лицо и голыя руки. На этотъ разъ Володѣ не пагнать ее, и она, забившись въ кусты, долго лежитъ, едва переводя духъ, и не мо-

жетъ успокоиться, будто послѣ тяжелой обиды.

Какъ быстро и свѣтло промелькнуло лѣто, и какая скучная, падицулась зима. Господскій домъ опустѣлъ. Не развлекали, какъ прежде, веселыя посидѣлки, а усердіе, проявленное Агашей къ пряжѣ, было совсѣмъ необычное. Но радость явилась и въ этой зимѣ. Къ Новому Году пришла

Распятіе въ Ньюпортскомъ женскомъ монастырѣ, оставшееся невредимымъ при бомбардировкѣ города нѣмцами.

открытка отъ Володи изъ Петрограда. На открыткѣ парисована была елочка, которую подъ мышкой тащитъ мужичекъ съ длинной бѣлой бородой. Картинка вся поблескивала, будто покрытая инеемъ. Агаша вспыхнула и спрятала письмо подъ кофтой на груди. Она наизусть запомнила безразличныя слова поздравленія съ Новымъ Годомъ и пожеланія счастья.

Къ веснѣ Агашу взяли на барскій дворъ во флигель къ рабочимъ помогать кухаркѣ Марьѣ. Теперь ей стали извѣстны всѣ новости барска-

го дома. Она первая узнавала, сдружившись съ барской горничной—дѣвкой Дуняшей, когда должны прѣхать господа, гувернантка, дѣти, и, наконецъ, услышала, что Володеньку ждуть на той недѣлѣ въ среду.

Весь день сама не своя была Агаша. Въ кухнѣ жаръ томилъ нестерпимо, а на улицѣ солнце слѣпило глаза. Когда же зазвѣли бубенцы и на горѣ изъ-за лѣса показалась тройка барскихъ лошадей, Агаша опрометью бросилась въ кухню, да такъ оттуда и не показывалась до вечера.

И на другой день она яростно стучала посудой, усердно помогая Марьѣ, удивляя ее внезапной суровостью и дѣловитостью.

Въ сумерки, собирая ужинъ для рабочихъ, Агаша случайно вышла на крыльцо, да такъ и обомлѣла, не въ силахъ двинуться съ мѣста, не въ силахъ слова вымолвить. На крыльцо взошелъ, разговаривая со старостой, Владимиръ.

— Агаша! Я и не зналъ, что ты здѣсь!—удивлялся онъ:—что же ты не пришла со мной поздороваться?

Агаша молчала.

— Одичала она совсѣмъ за зиму то, отъ господскаго обращенія отвыкла,—спиходительно заступился староста.

Проходя въ дверь флигеля, Владимиръ схватилъ Агашу за плечи, и заставилъ ее войти вмѣстѣ съ собой.

Онъ посидѣлъ нѣсколько минутъ на лавкѣ въ кухнѣ, бесѣдуя съ Марьей и старостой. Оказалось, отецъ-баринъ рѣшилъ приучить барченка къ хозяйству, и Владимиръ разспрашивалъ теперь о дѣлахъ. Онъ возмужалъ за зиму, и Агаша съ краской на щекахъ рѣшила, что онъ похорошѣлъ.

— Агаша совсѣмъ большой дѣвкой стала,—внезапно замѣтилъ Владимиръ уже на уходѣ.

Проходили дни, не принося существенныхъ переменъ. Агаша изрѣдка встрѣчала во дворѣ молодого барина, кланялась ему почтительно,

Старый Брюгге.

А. Якимченко.

иногда отвѣчала на незначительные вопросы его, и только открытка, спрятанная подъ грубой рубахой у самой груди, какъ бы поддерживала связь между ними.

Уже въ июлѣ во время сѣнокоса Агашу отправили на поле съ обѣдомъ для рабочихъ. Владимиръ слѣдилъ за работами. Когда рабочие, наѣвшись, расположились отдохнуть, и Агаша собралась уходить, Владимиръ внезапно остановилъ ее.

— Пойдемъ вмѣстѣ, Агаша, я тоже домой иду.

Дорогой разговоръ не клеился, Агаша смущалась и опускала глаза, краснѣя.

— Агаша,—позвольте ее внезапно Владимиръ, и взялъ за руку повыше локтя:—присядемъ здѣсь, поговоримъ, а то ты будто боишься меня, даже избѣгаешь.

И онъ почти насильно усадилъ ее на траву рядомъ съ собой.

— Агаша, ты забыла меня совсѣмъ?

Онъ заглянулъ ей въ лицо, и, вѣрно, въ глазахъ прочелъ такое пѣжное и покорное, что нѣсколько

смущенно привлекъ ее къ себѣ, обнимая.

Было жарко, звенѣли кузнечики, пахло скошенной травой и сладкими духами отъ Владимира.

— Вы большой стали,—прошептала Агаша, пряча лицо и смущаясь своихъ нечистыхъ огрубѣлыхъ рукъ.

Владимиръ засмѣялся, поднявъ се голову за подбородокъ.

— Ты тоже большая стала. Ну, что жъ ты боишься?

И вдругъ, совсѣмъ неожиданно, какъ казалось Агашѣ, поцѣловалъ въ губы, слегка, запрокинувъ ее голову.

Закружилась голова, защебетали небольшие его жестковатые усики, и вдругъ сталъ онъ роднымъ, милымъ и совсѣмъ не страшнымъ. Она тѣсно прижалась къ плечу его и безсвязно заговорила о своей тоскѣ, о томъ, какъ ждала его, показала, вытаскивъ въ широкій разрѣзъ ворота, его открытку. Владимиръ смѣялся и нѣсколько удивленно слушалъ ее наивныя признанія, а потомъ снова цѣловалъ въ губы.

— Когда ты освобождаешься по

вечерамъ? Цѣлый день тебя не видно?—спросилъ онъ.—Выходи вечеромъ на дворъ, я буду ждать тебя.

Такъ же отчетливо, какъ эту первую встрѣчу, помнитъ Агаша и всѣ вечера, проведенные съ милымъ. Теперь они и днемъ часто видѣлись, но слаще были встрѣчи на скамейкѣ подъ яблоней у задней стѣны господскаго дома. Закатъ медленно потухалъ и на свѣтломъ еще небѣ слабо вспыхивали первыя звѣзды. Казалось, не было дѣвки во всей округѣ счастливѣе Агашы.

Но прошло и то страшное, грозное, что изломало, изломало всю жизнь...

Цѣлую недѣлю непрестанно, будто на зло кому то, шелъ пудный, осенний дождь. Встрѣчаться на дворѣ стало невозможнымъ, а отказаться отъ встрѣчъ съ Владимиромъ было выше силъ Агашы. И вотъ она позволила ему прокрасться ночью къ ней въ узкій коридорчикъ, гдѣ между шкапами съ бѣльемъ и посудой стояла ея кровать. Съ этого дня пропала легкая радость свиданія. Темная страсть овладѣла сердцами и они

УНИОНЪЛЪ ГРАДЪ

Бельгійскіе бѣженцы.

искали уединения для полных, всеобъемлющих ласк.

Солнце не остановило своего движения, чтобы вечно свѣтитъ счастьемъ любовниковъ. Время шло, и осень принесла разлуку.

Утѣшая Агашу, Владимиръ говорилъ, что выпишетъ ее къ себѣ въ Петроградъ, что пріѣдетъ самъ будущимъ лѣтомъ. Онъ уѣхалъ. Потянулись тоскливые дни. Въ деревнѣ уже болтали о связи ея съ барчукомъ, и парни нахально предлагали свою любовь. Владимиръ изрѣдка присылалъ открытки. Весной отъ него пришло закрытое письмо, въ которомъ долго и пространно объяснялъ онъ, что долженъ ѣхать за границу по дѣламъ, а потому въ деревню не пріѣдетъ.

Безчувственно выносила все на смѣшки подругъ и парней Агаша, а когда послѣ длиннаго ряда тоскливыхъ дней пришла осень, внезапно взяла у господъ расчетъ, и уѣхала въ Петроградъ. Тутъ перенесла она, холодъ и голодъ, пока не опредѣлилась на мѣсто горничной къ одинокой госпожѣ. Работа была нетрудная, а по праздникамъ ее отпускали со двора. Тогда Агаша отправлялась на уголъ двухъ большихъ улицъ, откуда лучше всего былъ виденъ подъѣздъ гдѣ,—узнала она,—жилъ Владимиръ. И, наконецъ, она увидѣла его. Онъ вышелъ на улицу нарядный и веселый и двинулся къ Литейному. Агаша быстро нагнала его, остановила...

Тутъ опять начинается то, одни воспоминанія о чемъ давали силы жить все эти скучные годы. Владимиръ поселилъ ее въ хорошенькой комнатѣ, и зажила она счастливая своимъ новымъ положеніемъ и его любовью. Да, да, это было счастливое время. И какъ громъ съ яснаго неба свалилась на нее вѣсть: онъ женится!

— Агаша, успокойся, для тебя все останется попрежнему. Я не люблю ее, не люблю...

Какъ неубѣдительно звучали блѣдныя слова. Въ это же время она забеременѣла. Скрывала отъ него. Скрывала оттого, что не хотѣла быть обузой, не хотѣла связывать. А въ душѣ все росло и росло глупое

озлобленіе. Она чувствовала себя больной и слабой, и, пользуясь первыми осенними днями, часто гуляла на Островахъ, доѣзжая туда на трамваѣ, иногда на извозчикѣ.

И тамъ она встрѣтила его. Его съ невѣстой. Они шли по аллеѣ, подъ руку, нѣжно склонившись.

И тогда же, вернувшись домой, она рѣшилась убить его.

Вечеромъ, довольно поздно, она сама ласковая и притворно-спокойная, открыла ему дверь. Онъ остался ночевать. А когда забрезжилъ разсвѣтъ, Агаша, раскрывъ сорочку на груди Владимира, замахнулась острымъ ножомъ съ узкимъ лезвіемъ, намѣтивъ жилу сильно бьющуюся на его шеѣ. Но Владимиръ во снѣ сдѣлалъ движеніе, и пожъ, сорвавшись, скользнулъ по плечу...

Она не убила его. Онъ выздоровѣлъ, и даже, казалось, снова сильнѣе полюбилъ Агашу, во всякомъ случаѣ, пересталъ говорить о женитьбѣ. Опять потянулись счастливые дни, и съ какой пламенной страстью, съ какимъ восторгомъ покрывала Агаша поцѣлуйми бѣлый рубецъ на плечѣ милаго...

Когда же, разрѣшившись отъ бремени мертвымъ ребенкомъ, Агаша лежала еще слабая въ больницѣ, Владимиръ покинулъ ее. Какъ это случилось, почему? Агаша не узнаетъ. Прислалъ деньги и письмо, гдѣ сообщилъ, что долженъ уѣхать, что просить забыть и простить. Простить! Она простила. И только жестковатая подушка въ унылой кельѣ знаетъ сколько горючихъ слезъ проливаетъ по почамъ тихая монашенка сестра Аглая, вспоминая все то же лицо, все тотъ же бѣлый шрамъ на плечѣ, цѣлуя первую наивную открытку съ дѣдушкой и елкой, покрытой инеемъ.

Неужели онъ снова войдетъ въ ея жизнь? Неужели не охраняютъ святыя уголки отъ злыхъ и темныхъ тревогъ и волненій, отъ вражескихъ силъ?

Аглая очнулась, какъ отъ толчка. Владимиръ странно хрипѣлъ у ея ногъ. Она наклонилась къ нему. Онъ ловилъ губами воздухъ, протягивалъ руки со скрюченными пальцами, и бормоталъ что-то невнятное. Она подержала его плечи, шепча слова лас-

ки и успокоенія. Онъ прислонился головой къ ея плечу.

— Агаша, прости...—разслышала она.—А, можетъ, быть, онъ сказалъ «прощай».

Неожиданно сильнымъ движеніемъ онъ приподнялся, вздрогнулъ и упалъ. На губахъ показалась розовая пѣна, и кровавая струйка потекла за воротникъ.

Онъ былъ мертвъ.

Спокойно уложила его Аглая на соломѣ, закрыла вѣки, сложила тонкія руки крестомъ.

Въ цвѣтныя окна уже брезжилъ разсвѣтъ. Аглая встала и, взглянувъ въ послѣдній разъ въ лицо усопшаго, пошла мимо блѣдныхъ сестеръ, мимо спящихъ, стонущихъ во снѣ раненыхъ туда, къ Царскимъ Вратамъ, гдѣ душа столько разъ находила успокоеніе.

— Все кончено. Онъ умеръ,—сказала она, проходя Екатеринѣ Степановнѣ.

Та проводила ее удивленнымъ взглядомъ.

Аглая взошла по ступенямъ, и, какъ вчера (ей казалось, когда-то давно), легла у подножья иконостаса. Гдѣ-то высоко надъ нею раздался ударъ колокола, потомъ еще и еще. Она подняла голову, прислушалась. О, нѣтъ, пушки еще грохочутъ, но дальше слабѣе? Почему колоколь такъ явственно слышится? Побѣда, побѣда, встало въ сознаніи, и до боли радостно замерло сердце.

— Господи,—протерла Аглая руки къ иконамъ, и вдругъ поднялась, пораженная.

Не было ликовъ святыхъ въ золоченыхъ рамкахъ, не было ни ангела съ бѣлой лиліей, не было синихъ глазъ Николая, не было, не было, весь иконостасъ стоялъ пустой, и золотыя рамы успокоительно поблескивали.

— Ахъ!—Аглая не узнала своего голоса.—Они, они защищаютъ, они сражаются за насъ, за убитыхъ, за раненыхъ, за нашу свободу!

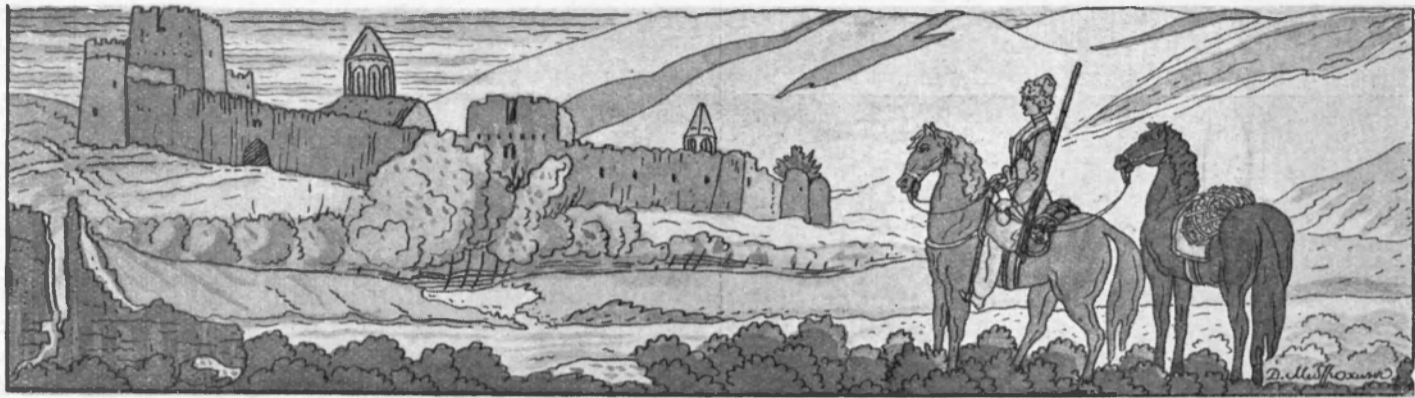
Туманилась голова отъ сладостнаго, невыразимаго восторга, и, будто творя низкій поклонъ, опустилась Аглая на холодную плиту пола, лишаясь чувствъ.

Сергѣй Ауслендеръ.

У проволочных заграждений.

Рис. П. Митурица

Журавлиный кликъ.

Было сырое, холодное и туманное утро, когда мы выехали на размытую осенним дождем, в бурных колдобинах, дорогу. Осеннее, тусклое солнце смутно свѣтлѣло за облаками, и надъ полями, легшими, какъ небритыя щеки, до самаго горизонта, плыли лохмотья утренняго, еще не успѣвшаго осѣсть тумана.

Фыркали, наклоняя головы, лошади, звякали трензеля, жидкая грязь чавкала подъ копытами.

Подлѣ меня, на гнѣдой лошади, съ подстриженной челкой и смѣшливой мордой, ѣхалъ, сутулясь, Николенька Роговъ, близорукий мечтатель, въ серебряныхъ очкахъ, связанныхъ у уха ниточкой; на дѣвичьихъ его, еще не узнавшихъ бритвы, щекахъ завилнсь тонкіе волосики, а голубые, наивные глаза его смотрѣли сквозь выпуклыя стекла очковъ спокойно и совсѣмъ безъ боязни. Его оторвали отъ книгъ, отъ чудеснаго романтическаго міра перелистываемыхъ страницъ, но онъ и здѣсь, на лицахъ солдатъ, въ жужжаніи пуль и столахъ раненыхъ умѣлъ находить то же сокровенное и таинственное разнообразіе жизни...

У придорожнаго камня мы остановились. Мы должны были обшарить деревню, лежавшую на пути къ Н., и два перелѣска, отмѣченные на нашихъ картахъ.

— Николай Николаевичъ, — сказалъ я, — раздѣлимся. Вы берите на П., минуя шоссе, а я полукругомъ на перелѣсокъ. Тамъ мы встрѣтимся.

— Ага, — сказалъ онъ, глядя на меня выцвѣтшими своими глазами. — А если я буду тамъ раньше?

— Тогда дожидайтесь.

Мы раздѣлились.

— Берите съ собой Харламбу.

Харламба, усатый унтеръ, огля-

дѣлъ меня смѣющимися глазами и приложилъ руку къ козырьку. Онъ также зналъ мечтательную разсѣянность Николеньки Рогова, который могъ по дорогѣ опустить поводья и забыть обо всемъ въ мірѣ...

— Ну, Николай Николаевичъ, съ Богомъ.

Мы пожали другъ другу руки и тронули лошадей. Застучали въ легкой полевой рыси подковы, скоро опаловый утренній туманъ скрылъ отрядъ.

Кругомъ, въ суровой молчаливости, лежали колючія поля, съ ползущими надъ ними космами тумана. На минуту выглянуло шафранное солнце, уронило серебряные камни на сталь мундштуковъ и бляхи подиругъ, — скрылось снова. Въ небѣ съ печальнымъ курлыканьемъ летѣлъ ключъ журавлей.

Печаль осенняя плыла въ задумчивости намъ навстрѣчу съ пустынныхъ полей, съ чахлыхъ, жесткихъ кустовъ репейника, росшихъ по межамъ. Есть что-то затаенное въ пустыхъ осеннихъ поляхъ: словно слышится бѣшеное земного темнаго сердца.

Въ моемъ отрядѣ было двѣнадцать человѣкъ: степенный архангельскій мужикъ, бородатый и хмурый; два брата Рябцовы, еще не успѣвшие вкушать полную сладость синяго околыша студенческой фуражки; вольноопредѣляющійся Гершевичъ, смуглый, какъ жукъ, — остальные бѣлобрысы, крѣпкіе ребята, съ молодецкой выправкой и яркимъ ослаломъ бѣлыхъ зубовъ.

Мы объѣхали въ молчаніи полукругъ сжатаго поля; справа шло болото, за нимъ — прилюснутыя избы далекой деревни, за которой, у перелѣска, мы должны были встрѣтиться съ отрядомъ Рогова.

Захлопали кочки, испуганная птица съ рѣзкимъ свистомъ метнулась изъ подъ копытъ моей лошади. Кустики незабудокъ цвѣли на кочкахъ; лошади наклоняли головы и осторожно ступали въ ямки, наполненныя тусклой водой.

Болото скоро кончилось, мы выехали на проселокъ. Осталась въ сторонѣ развалившаяся мельница съ однимъ крыломъ, гдѣ то внизу, подъ дорогой, шумѣлъ, захлебываясь, родникъ. Мелькнула еще часовенка, угрюмо стоявшая подъ облетѣвшей ракилкой; дорога свернула влѣво, къ деревнѣ. Мы остановили лошадей, оправили снаряженіе, подтянули ослабѣвшія подируги.

Деревня вымерла. Можетъ быть, нѣсколько дней назадъ здѣсь прошелъ непріятель, и испуганные жители бѣжали въ ближайшіе города, — но мы не увидѣли за околлицей ни одного человѣка... Только оттощавшія собаки выскочили съ лаемъ намъ навстрѣчу. У въѣзда на улицу стояла кузня, съ разбитыми окнами и деревяннымъ станкомъ дляковки лошадей. Крайніи солдатъ, высвободивъ ногу изъ стремени, толкнулъ ею дверь: кузня была пуста, закопченная и печальная.

— Ваше благородіе, — сказалъ рябой Ивановъ, трогая шенкедемъ лошадь и равняясь со мной, — поганая деревня... Нѣтъ хуже, когда пустая.

Мы проскочили рысью главную улицу, — все было пусто; только изъ окна крайней избы выглянуло коричневое лицо старухи.

— Эй, тетка, — крикнулъ Ивановъ, выходи наружу.

Старуха смотрѣла на насъ тѣмъ же невидящимъ, остановившимся взглядомъ... Странная жуть овладѣла вдругъ мной.

Рис. И. Сивкова.

Сборъ послѣ боя.

— Ты что же молчишь,—сказалъ Ивановъ, подьѣзжая на вспотѣвшемъ своемъ кауромъ меринкѣ къ низенькому окну,—за кичку тебя что ли изъ окна тащить?

И тутъ вдругъ случилось нѣчто необычайное... Раздался странный и короткий звукъ, лошадь его присѣла на заднія ноги, рванулась внезапно въ сторону и поскакала по улицѣ, а тяжелое тѣло солдата сползло съ широкой ея спины— и вдругъ опрокинулось на землю... Младший Рябцовъ вскинулъ ружье и выстрѣлилъ въ улыбающееся, безумное лицо старухи.

И, точно по сигналу, вдругъ ожила деревня, сухой трескъ, точно дробь барабановъ, наполнилъ пустынный улицы...

II.

Мы вынеслись на обезумѣвшихъ лошадяхъ за околицу. Вокругъ насъ жужжали съ пронзительнымъ и противнымъ всхлипываньемъ пули, а позади неслись за нами вслѣдъ всадники, одинъ за другимъ выныривая изъ темной улицы деревни...

Намъ надо было доскакать до перелѣска гдѣ, долженъ былъ быть уже отрядъ Рогова. Мы терзали желѣзнымъ шпоръ бока лошадей—и отстрѣливались наугадъ, не цѣлясь,—въ сѣрую, несущуюся позади насъ толпу.

— Ваше благородіе,—прокричалъ подлѣ меня Ермоленко, стараясь заглянуть мнѣ въ лицо,—вотъ чертовы дьяволы... Полсотни ихъ!..

Изъ всгнѣнныхъ мордъ лошадей падала кровавая пѣна, комья грязи залѣпляли намъ лица, а надъ нами жжикали пули, свершая свой сверлящій полетъ. Гершевичъ, скакавшій подлѣ меня, вдругъ странно запрокинулъ голову и упалъ съ размаху на шею шархнувшей лошади... Онъ продолжалъ нестись, лежа на ея шеѣ, но руки его болтались безсильно по сторонамъ.

Дорога круто сворачивала влѣво, и въ полуверстѣ темнѣлъ перелѣсокъ. Одинъ выстрѣлъ оттуда могъ бы заставить предположить новыя силы— и тѣмъ спасти насъ... Оглянувшись, я увидѣлъ Юрія Рябцова, державшаго на отлетѣ окровавленную руку. Ермоленко, обогнавшій меня справа, несся въ нѣсколькихъ шагахъ впереди меня, какъ вдругъ лошадь его сдѣлала страшный косой прыжокъ, присѣла и тяжело грохнулась на землю, придавивъ ему ногу...

Сѣрая толпа отстала за поворотомъ, были только слышны далекій гулъ голосовъ и стукъ копытъ.

— Ваше благородіе, — крикнулъ вдругъ неистово у моего уха архангельскій мужикъ,—капала!..

Я хотѣлъ приподняться, чтобы облегчить лошади прыжокъ, но не считалъ движенія и упалъ на ея шею лицомъ... Она сдѣлала короткий полупрыжокъ,—ноги ея скользнули по откосой стѣнѣ,—и она скатилась внизъ, въ оврагъ, съ переломленной спиной. Я успѣлъ на лету высвободить ногу и упалъ въ двухъ шагахъ отъ ея дергающихся въ судорогѣ ногъ.

Я ударился головой о камень—вдругъ, какъ въ странномъ и невѣрномъ снѣ, увидѣлъ далекое, туманное облачко и тонкую цѣпь птицъ, летящихъ на югъ... Зашелкали выстрѣлы, топотъ ногъ прозвучалъ надъ моей голвой, и комья земли изъ-подъ копытъ лошадей полетѣли мнѣ на лицо и засыпали глаза... А въ двухъ шагахъ отъ меня хрипѣла, умирая и дергаясь, моя лошадь; кровавая пѣна клочьями падала на мои сапоги.

Тоска, сладостная и предсмертная, овладѣла мной.

III.

Заплаканная оранжевая луна стояла надъ оврагомъ. Я могъ различить ея кратеры. Они были, какъ складки горечи и печали, на блѣдномъ ея лицѣ.

Около меня лежала издохшая лошадь. Дергачъ, не улетѣвшій еще въ теплыя и солнечныя страны, кричалъ гдѣ-то въ осеннемъ полѣ настойчиво и уныло, точно скрипѣла ель. Я коснулся своей окровавленной головы и вытеръ о колѣно липкіе пальцы.

Я былъ одинъ. Я не зналъ, успѣли ли доскакать наши до перелѣска, живъ ли Николенка, или можетъ быть, такъ же лежитъ гдѣ-нибудь въ оврагѣ, смотря мечтательными, выплѣтшими своими глазами на лунные кратеры, забывъ о боли...

Я ухватился за колючій кустъ репейника и поднялся. Унылая, тягучая боль едва не сбросила меня обратно. Я переползъ черезъ почти закоченѣвшій трупъ лошади и ползъ дальше по оврагу, цѣпляясь за кусты жесткаго бурьяна. Луна сопровождала меня. Я доползъ до отлогого мѣста и поползъ наверхъ.

Черное, пустынное, нѣмое поле. А впереди отдаленно шелестятъ уцѣлѣвшіе листья на деревьяхъ перелѣска. Свои тамъ или чужіе? Пусть онъ или нѣтъ?..

Я взялся за кобуру, но она была пуста: я выронилъ револьверъ при паденіи. Я пошелъ къ перелѣску, спо-

тыкаясь... Затемнѣлъ въ сторонѣ подъ мутнымъ свѣтомъ луны трупъ лошади; онъ показался мнѣ гигантскимъ. Я наткнулся на чью-то фуражку; сбоку темнѣетъ еще трупъ, теперь уже человѣка: странно блеститъ лицо его, обращенное къ лунѣ... Это врагъ. На свѣтлыхъ усахъ запеклись сгустки крови; черезъ лицо черная полоса отъ сабельнаго удара.

А съ боковъ, вдоль дороги, еще, еще.

Вотъ лежитъ поперекъ дороги вздувшаяся лошадь; зубы ея оскалены. Подъ ней нѣмецкій офицеръ: она придавила его голову при паденіи, видны только ноги въ узкихъ сапогахъ съ никелевыми шпорами на цѣпочкахъ.

Я дошелъ до перелѣска. На меня пахло сыростью, запахомъ прѣлыхъ листьевъ. Сюда уже не проникаетъ свѣтъ луны. Черные стволы деревьевъ. Кричатъ совы гудяще и протяжно. Я споткнулся о пенъ—и вдругъ ткнулся рукой въ чье-то тѣло: у меня не было силъ итти дальше; запекшаяся на головѣ рана стала снова сочиться.

Я сѣлъ на землю и прислонился къ корявому стволу дерева.

IV.

Оно влетѣло, ломая верхушки деревьевъ, и съ грохотомъ разорвалось гдѣ-то тамъ, на опушкѣ...

На мое лицо сыпались мелкіе сучья и листья, сбиваемые пулями.

Я слышалъ ночью, лежа подлѣ убитого солдата, какъ они вошли въ этотъ перелѣсокъ, слышалъ звяканье лопатокъ, которыми они окапывались у опушки... Гдѣ-то позади съ грохотомъ проскакала ихъ артиллерія.

Я лежалъ, прижавшись лицомъ къ груди мертвого солдата; я сорвалъ свои погоны, и они приняли меня за нашего убитого солдата. Имъ было некогда забросать насъ землей, потому что еще съ сѣрымъ, туманнымъ разсвѣтомъ провизжала въ воздухъ наша первая пуля и ударила въ дерево.

Я видѣлъ сквозь сощуренныя вѣки ихъ лица, посинѣвшія отъ морознаго утренника, отъ котораго я закоченѣлъ я слышалъ ихъ отрывистую рѣчь и брань и озлобленную команду офицеровъ.

Сѣрые, какъ мыши, съ поднятыми воротниками шинелей, они бродили между деревьевъ и окапывались у опушки лѣса, лежа на груди и набрасывая передъ собой лопатками землю.

... Визжали пули, и снаряды съ грохотомъ и трескомъ ломали деревья... Три пули уже мягко и съ

Преслѣдованіе непріятели.

В. Мазуровскаго.

отвратительнымъ хлопаньемъ вошли въ тѣло солдата, за которымъ я скрывался.

Я пролежалъ всю холодную осеннюю ночь, коченѣя, подлѣ этого трупа. Утромъ былъ морозъ, и мохнатый иней легъ на опавшіе листья и на застывшее лицо солдата. Я нашель въ его карманахъ сырую морковь, коричневую отъ земли; въ его флягѣ оставалось еще немного холоднаго и горькаго кофе; отъ него мнѣ стало еще холоднѣе.

Когда замелькали между деревьевъ сѣрыя фигуры, я не могъ сдѣлать уже ни одного движенія; я лежалъ, прижавшись къ груди солдата, и слышалъ тиканье его карманныхъ часовъ.

... Я тихою просунулъ руку подъ его куртку и досталъ часы: было три четверти пятого. Странная и тягучая слабость овладѣла мной; во мнѣ непробуждали уже жути визжація пули,—безразличіе ко всему, пустое и холодное, похожее на смертельную истому, овладѣвало мной.

Когда я открылъ глаза вновь, часы его на уровнѣ моихъ глазъ показывали половину десятого... Я хотѣлъ приподняться—и упалъ обратно: совсѣмъ надъ моимъ лицомъ склонилось

что-то чернородое лицо,—взоры наши встрѣтились... Мы смотрѣли другъ другу въ глаза, не отрываясь, минуту, можетъ быть, часъ... Легкій холодокъ коснулся пальцевъ моихъ рукъ и ногъ и я понялъ, что черезъ мгновенье все кончено...

Въ ту же секунду голова его странно вдругъ дернулась кверху, онъ взмахнулъ руками—и упалъ навзничь, лицомъ на мои ноги.

... Бѣжали между деревьевъ, отстрѣливаясь на ходу, сѣрые люди: все рѣже и рѣже рвались спаряды,—и внезапно громъ голосовъ докатился оттуда снизу, изъ-за опушки,—нашъ крикъ—я узналъ!—нашъ крикъ...

Снова бѣжали сѣрые солдаты, щелкали о деревья пули,—но все ближе и ближе громовой раскатъ,—и вдругъ три рыжія шинели мелькнули за деревьями: бѣгутъ трое нашихъ солдатъ. Я хочу крикнуть и не могу крикнуть: падая, чернородый придавилъ локтемъ мою грудь...

И вотъ все повья и повья рыжія шинели съ ружьями наперевѣсь, звучитъ гдѣ-то мѣдъ рожка—и прямо на грудь нашихъ тѣлъ бѣжитъ Николаенька Роговъ, съ обнаженной шашкой, выпучивъ голубые, близорукіе

свои глаза подъ блестящими стеклами очковъ.

—Роговъ,—кричу я,—Николаенька... Николай Николаевичъ!..

Онъ не слышитъ, пробѣгаетъ мимо, спотыкаясь о сучья сухостоя.

V.

Снова ночь, когда сознанье приходитъ ко мнѣ. Но луны уже нѣтъ. Идетъ мелкій дождь. Трупъ, подлѣ котораго я лежу, началъ уже попахивать сладковато. Дождь шумитъ по уцѣлѣвшимъ листьямъ; лицо мое мокро.

Я приподнимаюсь и встаю на ноги. Гдѣ-то отдаленный, темный гулъ: идетъ ночная артиллерійская стрѣльба. Я ослабѣлъ и едва двигаюсь въ полной тьмѣ, патыкаясь на деревья и на мягкія тѣла... Гдѣ наши? Роговъ пробѣжалъ мимо меня и не слышалъ моего крика. Наши выгнали ихъ штыками изъ этого лѣса...

Я бреду къ опушкѣ наугадъ. Вотъ рѣдѣютъ деревья. Сильнѣе осенней дождливой ночи. Въ воздухѣ пахнетъ гарью, дымомъ, кровью. Куда мнѣ итти; направо, налево, прямо?.. Я поднимаю чью то винтовку и иду, опираясь на нее; вода хлопаетъ въ моихъ сапогахъ.

Я схожу вниз съ пригорка, иду по дорогѣ.

... Но—что это? Кто-то идетъ на меня: я слышу шорохъ крадущихся шаговъ... Я напрягаю зрѣніе—и вдругъ вижу лошадь. Да, обыкновенную, смиренную лошадь, съ съхавшимъ на бокъ сѣдломъ, которая стоитъ, опустивъ голову, и смотритъ въ землю... Я подхожу къ ней—но она не двигается съ мѣста, словно не слышитъ моихъ шаговъ. Мягкія, теплыя губы касаются моей руки.

Черезъ минуту я вползаю уже на сѣдло. Она спокойно даетъ мнѣ сѣсть, точно дожидалась меня, и идетъ... Куда? Я не знаю пути, но она идетъ впередъ увѣренно, словно зная, куда мнѣ надо,—и я довѣряюсь ей.

Это наша лошадь—съ нашимъ сѣдломъ и переметными сумками. Мнѣ все равно, куда она ни приведетъ

меня,—пусть даже къ врагу.—Все лучше, чѣмъ смерть въ этомъ перелѣскѣ, наполненномъ мертвыми тѣлами и призраками...

Мы ѣдемъ по дорогѣ. По бокамъ ямы, вырытыя снарядами. Вотъ наискось лежитъ расщепленное дерево. Сбоку, между деревьевъ, часовенка, пустая и темная, словно одинокій инокъ. Гулъ стрѣльбы сталъ слышнѣе, на горизонтѣ полыхаютъ бѣлыя молніи. Лошадь прядетъ ушами.

Такъ—шагомъ—мы проѣзжаемъ версту, можетъ быть, больше...

И внезапно, за поворотомъ, темная тѣнь бросается намъ наперерѣзъ... Я слышу окрикъ на чужомъ языкѣ, и въ то же мгновенье лошадь подомной шарахается въ сторону, становится на дыбы—и мчится галопомъ по полю... За моей спиной крики, щелкаетъ выстрѣлъ, пуля, урча,

какъ жукъ, проносится надъ моей головой... Еще черезъ мгновенье я слышу за собой топотъ.

Когда моя лошадь встала на дыбы, я потерялъ стремяна, и теперь я лежу на ея шеѣ, обнявъ ее руками, слышу сильный запахъ ея пота и шерсти и сжимаю колѣнями жесткія крылья сѣдла...

Мы несемся по полю, тягучая боль въ головѣ пробуждается вновь отъ холоднаго вѣтра, я чувствую, какъ липкая капля ползетъ по моей щекѣ,—а позади все приближающійся топотъ ногъ... Еще минута—и они нагонять.

Впереди три ракиты, растущія въ одиночествѣ въ полѣ. Последняя, неясная мысль приходитъ ко мнѣ. Я нажимаю съ силой поводья мундштука, лошадь замедляетъ бѣгъ, топчется, скачетъ на мѣстѣ... Я скатываюсь съ ея спины на землю, бью изо всей силы лопнувшимъ ремнемъ пояса по заднимъ ногамъ... Она тонко ржетъ, дѣлаетъ прыжокъ—и скачетъ впередъ, въ галопѣ, безумствуя отъ бьющихъ ее по бокамъ стремянъ.

Я бросаюсь къ ракуткамъ, ползу наверхъ по крайней, напрягая послѣднія силы,—и въ ту же минуту три всадника проносятся мимо меня велѣдъ за безумной лошадью...

Я сажусь верхомъ на толстую вѣтвь и прикрѣпляю себя поясомъ. Закрываю глаза—и въ мгновенье забываю все.

Уже туманное, осеннее утро, когда я вижу сквозь склеившіяся отъ крови изъ раны вѣки, трехъ нашихъ солдатъ, ѣдущихъ медленно на лошадяхъ, съ фуражемъ.

— Братцы!—кричу я,—братцы!..

И вдругъ узнаю Васеньку Ряцова.

Когда они везутъ меня на сѣдлѣ впереди себя, я вижу подъ туманнымъ небомъ тонкую и далекую цѣпь: летятъ журавли съ тихимъ курлыканьемъ. Но теперь оно говоритъ мнѣ, что я спасенъ.

Посреди дороги, за поворотомъ, стоитъ, разставивъ ноги, Николенька Роговъ и глядитъ имъ велѣдъ близорукими, выцвѣтшими глазами.

В. Лидицъ.

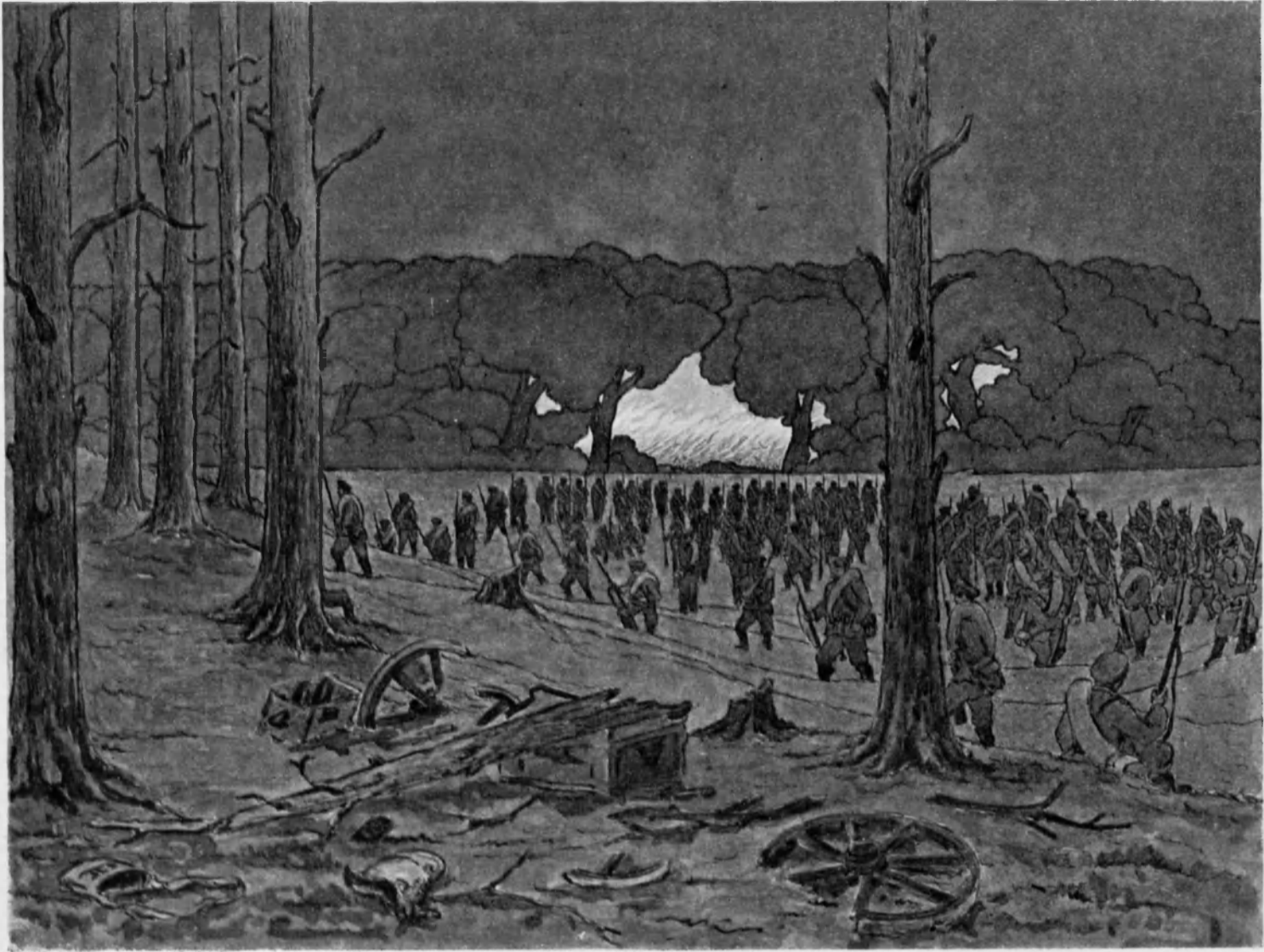

Переправа.

Рис. С. Дергачева.

Отступающие нѣмцы жгутъ деревню.

Рис. участника похода А. Осташева.

Грядущій праздникъ.

За грознымъ сумрачнымъ огнемъ
И долгимъ грохотомъ сраженій,—
Я вижу праздникъ достижений,
Какъ садъ сирени майскимъ днемъ.
Послѣдній бой зажжется жертвой дымной,
Послѣдней кровью ярость утоля...
И торжествующіе гимны
Наполнятъ гулкія поля.
Смиривъ убійственныя силы,
Враждебный міръ похоронивъ,—
Русь увѣнчаетъ всѣ могилы,
Обиды старыя забывъ!
Зеленый гулъ надъ прахомъ поколѣній
Прославить пролитую кровь,
Печаль невѣстиныхъ моленій
И материнскую любовь!..
И, въ лѣтній день, ручей неутоленный,
Споеть, на радость синихъ васильковъ,
Про пламя битвы отдаленной
Въ туманѣ зимнихъ облаковъ!

Въ послѣдній разъ,—кровавая гроза!..
Изякнуть слезы на послѣдней тризнѣ!..
И будутъ жить, рожденные для жизни,
Для праздника, открывшіе глаза!..
Цѣной святой, преодоленной боли,
Незабываемыхъ утратъ—
Благословенная стократъ,
Достигнетъ Русь миролюбивой доли!

Не кровью,—пѣгой ландышей лѣсныхъ
Мы утолимъ ликующіе взгляды.
Прозрачно выступятъ на нихъ
Росинки, полныя прохлады.
Живую душу освѣжитъ
Зеленыхъ травъ благоуханье,—
И чье-то встрѣчное дыханье
Счастливымъ жаромъ опьянитъ.
И жизнерадостная мощь,
Въ мечтахъ таившаяся плѣнно,
Нахлынетъ съ дрожью неизмѣнной,
Какъ золотой крылатый дождь!..

Яковъ Годинъ.

Памяти отошедшаго.

На страницахъ «Лукоморья» еще недавно былъ напечатанъ рассказъ Георгія Тихоновича Сѣверцова-Полилова, всего только нѣсколько дней тому назадъ Георгія Тихоновича еще видѣли въ кругу литераторовъ и вотъ сейчасъ его уже нѣтъ. Неожиданной и странной показалась многимъ эта смерть—ей не предшествовали въ бульварныхъ газетахъ ни замѣтки о болѣзни, ни извѣстія о состояніи здоровья писателя. Просто вчера жилъ и писалъ, а сегодня уже нѣтъ... На самомъ же дѣлѣ Георгій Тихоновичъ много страдалъ, долго болѣлъ и неожиданность его смерти для многихъ это только слѣдствие необычайной деликатности и благородной скромности почившаго. Георгій Тихоновичъ не любилъ говорить о себѣ и обращать на себя вниманіе... Эта черта его въ нашъ вѣкъ рекламы и саморекламы всегда пріятно поражала въ немъ и казалась странной въ этомъ русскомъ европейцѣ. Лучшія стороны европеизма удивительно сочетались у Георгія Тихоновича съ его особенностями русскаго человѣка. Родился онъ въ богатой купеческой семьѣ въ 1859 г., окончилъ въ Петроградѣ нѣмецкую гимназію, затѣмъ начались его скитанія по Европѣ, во время которыхъ ему довелось даже быть школьнымъ товарищемъ Вильгельма по боннскому университету, жилъ онъ затѣмъ долго въ Англии, отдаваясь коммерческимъ дѣламъ, но, вслѣдствіе сцѣпленія ряда несчастныхъ случайностей, потерялъ свое состояніе. Сталъ пѣвцомъ, пѣлъ въ Италіи, Америкѣ. Пользовался успѣхомъ. Но и сцену пришлось оставить. Въ 1886 г. онъ напечаталъ въ «Саратовскомъ Дневникѣ» первый свой рассказъ и съ тѣхъ поръ оставался до конца своихъ дней литераторомъ. Онъ писалъ такъ, какъ пишутъ европейцы, много и методически работая и только этимъ и можно объяснить его

необычайную для русскаго литератора продуктивность—имъ написано около тридцати томовъ. Георгій Тихоновичъ не зналъ партій и направленій и ихъ зачастую злобной, узкой кружковой политики—онъ былъ неизмѣнно корректенъ, благожелателенъ, внимателенъ и добродушенъ. Терпимость и уваженіе къ чужому мнѣнію, то, чѣмъ у насъ рѣдко кто можетъ похвастаться, были отлич-

† Г. Т. Полиловъ-Сѣверцевъ.

тельной особенностью Георгія Тихоновича, въ этомъ отношеніи онъ у насъ въ литературномъ мірѣ былъ однимъ изъ очень немногихъ. Не много у насъ и такихъ повѣствователей, какимъ былъ Георгій Тихоновичъ. Онъ уклонялся отъ рѣшенія проклятыхъ вопросовъ, модныхъ темъ, эффектныхъ проблемъ, просто дѣлясь съ читателемъ огромнымъ запасомъ наблюдений изъ своей тревожной жизни. Этой, такъ необычайно сложившейся жизнью можетъ быть и

можно только объяснить то, что фаворитомъ Георгія Тихоновича владѣлъ мастерски, его романы читались съ большимъ интересомъ и ихъ ждали. Въ свое время «Въ погонѣ за славой и золотомъ», «Слѣпая любовь», «Отъ шарманки—на сцену», были встрѣчены читателемъ съ благодарностью. Шумнымъ успѣхомъ Георгій Тихоновичъ никогда не пользовался, критика его не баловала, но онъ завоевалъ себѣ читателя, у него былъ свой читатель-другъ, съ которымъ у писателя установились разъ на всю жизнь опредѣлившіяся отношенія: онъ не очаровывалъ, не восхищалъ, но никогда не разочаровывалъ своего читателя. Ровное творчество Георгія Тихоновича не знало скачковъ, оно не увлекало, не потрясало, но всегда вызывало въ читателѣ неизмѣнный интересъ къ себѣ. Печатался Георгій Тихоновичъ въ цѣломъ рядѣ изданій, онъ далъ много въ области быта, театра, исторической повѣсти и дѣтской литературы. До послѣднихъ дней своей жизни Георгій Тихоновичъ сохранялъ живой интересъ къ событіямъ текущей жизни; его волновала война и онъ, какъ никто изъ нынѣшнихъ литераторовъ, полно отозвался на событія нашей нынѣшней тревожной жизни. Незадолго до смерти появился его томикъ «На полѣ брани». Этой книжкѣ суждено было быть послѣдней. Георгія Тихоновича не стало. Онъ ушелъ отъ родной литературы, отъ своего читателя-друга туда, «идеже нѣсть ни печали, ни воздыханія». Многие, многие съ тяжелымъ чувствомъ узнаютъ о кончинѣ Георгія Тихоновича, не мало юныхъ и старческихъ сердецъ будутъ ранены печальной вѣстью. Смерть безпощадна. Ушелъ отъ насъ не только извѣстный писатель, благородный пріятный членъ общества, но что самое главное—дѣйствительно хорошій человѣкъ. Миръ его праху!

Влагинъ.

Война и художники.

Художники живут теми же чувствами, какими взволнована вся Россия. Могучий подъем патриотизма, создавший твердыню, о которую разбиваются, как морские волны о скалу, яростные удары германцев, охватил и художников. Исполняя долг войны в рядах действующей армии, художники участвуют и в многомиллионной армии не вооруженной ружьями, самоотверженно работающей в мирной обстановке, для удовлетворения нужд, вызванных войной: художники жертвуют свои произведения, отдают личный труд общему подвигу защиты родины.

В области творчества художников, война, конечно, не могла еще выразиться ярко: слишком близка она к нам, еще не только не улеглись в ясных рамках мысли ее общие очертания, но, самое главное, не улеглись духовные волнения, не успели выкристаллизоваться в идеи. Л. Толстой описал эпопею двенадцатого года спустя пятьдесят лет после отечественной войны; какая же нужна перспектива для переживаемых теперь событий, равных которым не было в истории не только России, но и всего человечества! Настоящая война отразится на культуре всей Европы великими переворотами духовными, социальными и политическими. Искусству предстоит выразить в образах и формах и влить в несколько измельчавшие поблдневные и увядшие духовные черты современного человечества живую струю новой жизни. Как это произойдет никто не скажет, но «Лесь» проснулся и весенней полонь жаждой...
... Песня зреть!

Сейчас же, сегодня, художники организуют лазареты, заботятся с санитарными поездами, жертвуют для аукционов в пользу воинов свои произведения, устраивают выставки, доходы с которых идут на общее дело борьбы с врагом...

По мере сил и умения художники иллюстрируют войну, поддерживая вместе с поэтами, литераторами и журналистами живую связь с защитниками нашей родины и чести, связь, спаявшую каждого воина, всю нашу армию с русским обществом, с каждым отдельным ее членом в одно могучее целое.

Иллюстрировать войну художникам, несомненно трудно; те из них, кто сражается в первых рядах, действуют штыком и шашкой, оставшиеся же по неволле должны измышлять сцены войны или в лучшем случае рисовать по рассказам участников. И то, и другое, конечно, хотя в общем и дает представление о происходящем, — в деталях может быть ошибочно. Специально батальная живопись у нас вообще не процветает и до настоящего времени односторонне освещала стихию войны, узкое отношение художников-моралистов к величайшему напряжению физических и духовных сил человеческих, каким является война, убило идеальную сторону войны, ее поэзию и привело к изображению только кровавых картин, горя и страдания, убийства и разрушений.

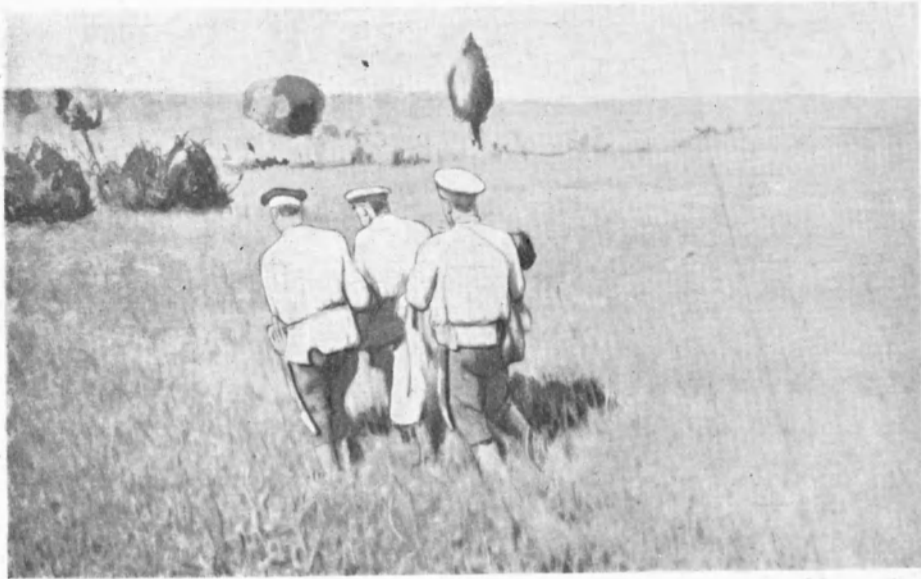
Н. В. Плевцкая въ окопахъ.

Н. В. Плевцкая среди плѣнныхъ нѣмцевъ.

Депо на ст. Лодзь, разрушенное нѣмцами.

Санитары.

Пожаръ военного склада въ гор. Римановѣ.

Обѣдъ на позиціи.

И хочется спросить этихъ слабодушныхъ художниковъ: такъ ли ужъ цѣнны жизнь и вѣшнее благополучіе безъ сильныхъ и большихъ волненій въ обстановкѣ изнѣженности и покоя съ эгоистическими стремленіями огородить себя отъ всякихъ жизненныхъ толчковъ. И такъ ли безнравственна кровавая борьба, вызываемая таинственными законами природы и исторической неизбѣжностью, встряхивающая человѣчество время отъ времени въ его многовѣковой жизни?

Красота не только въ элегіи сумерочной тишины, но и въ вихрь бѣги, не только въ ласкающей слухъ пѣжной мелодіи, но и въ страшныхъ, поражающихъ раскатахъ грозъ, тяжкихъ волпепняхъ.

Художникъ, который сумѣетъ запечатлѣть въ произведеніи искусства не только павшаго воина, но и стихійную красоту грандіозной борьбы въ ея сверхчеловѣческихъ усилахъ и напряженіи, не только пушку, изрыгающую разрушительный чугунъ, но и народную волю, и крѣпость духа и самоотверженность личности, вызывающія огонь во взорѣ и презрѣніе къ смерти, такой художникъ-творецъ и будетъ достоинъ безсмертія...

Г. Магула.

«ТАКЪ ГОВОРИЛЪ ЗАРАТУСТРА».

Какъ будто изъ Ницше.

«О, храбрѣйшіе сверхъ-дѣти!
Начиная сверхъ-походъ,
Надо помнить: мы на свѣтѣ,
Самый лучший сверхъ-народъ!
Бросьте глупую пошадю—
Бейте, жгите безъ причинъ,
И тогда вы къ листопаду
Возвратитесь въ сверхъ-Берлинъ...
Я сверхъ-кайзеръ, міру грозный
Дамъ вамъ сотни сверхъ-побѣдъ,
И въ Парижѣ грандіозный
Мы устроимъ сверхъ-обѣдъ...
Дѣти! Въ даль глядите шустро:
Нѣмцамъ галлы хуже бѣльмъ»,—
Такъ сказалъ имъ Заратустра,
Заратустра сверхъ-Вильгельмъ».

Всѣ сверхъ-дѣти «хохъ» кричали,
Предвкушая сладость сѣчь,
Лязгомъ крупповской сверхъ-стали
Покрывая всю сверхъ-рѣчь.
На французовъ въ сверхъ-обидѣ
Навостривъ свой жадный взглядъ,
Нѣмцы «veni», нѣмцы «vidi»,
Нѣмцы... шагомъ маршъ назадъ...
Сверхъ-кронпринцъ, взявъ сверхъ-трофеи,

Къ сверхъ-папашѣ ихъ принесъ
И, немножечко блѣднѣя,
Рѣчь такую произнесъ:
«Вотъ двѣ ложки, вилка, люстра...
Взято все отъ галльскихъ шельмъ!»...
Молча, слушалъ Заратустра,
Заратустра—сверхъ-Вильгельмъ...

К. Ван...

Рис. II. III.

Собаки-санитары. Нѣсколько десятковъ обученыхъ собакъ отправлено въ дѣйствующую армію.

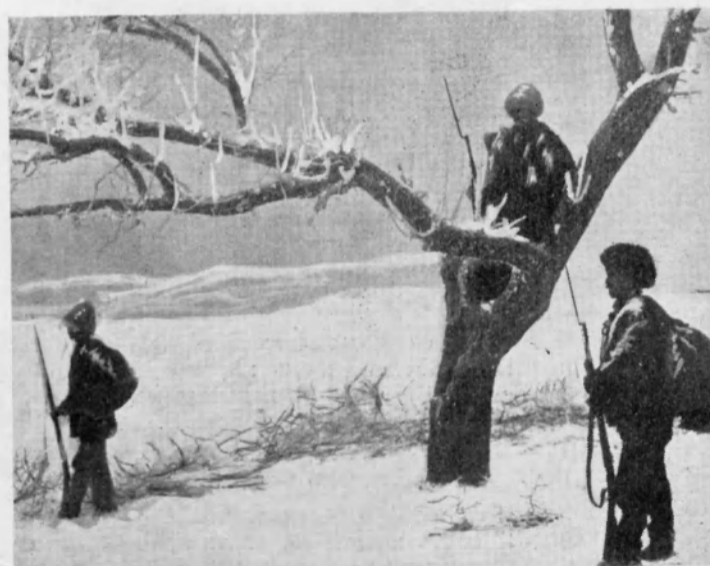
Король Сербіи Петръ въ главной квартирѣ.

Артиллерія, брошенная австрийцами при отступленіи въ Сербіи.

Сербская тяжелая артиллерія на позиціяхъ.

Сторожевой постъ сербовъ.

Парижские апаши. Сейчас борются за родину.

Рис. Б. Григорьева.

Въ своемъ прославленномъ трудѣ
Я доказалъ путемъ цитать:
Прогрессу нашему вездѣ
Всегда содѣйствовалъ солдатъ.

Пусть будетъ онъ въ бою жестокъ,
Какъ бѣлокурый древній звѣрь,—
Сдадутся Западъ и Востокъ
Культурѣ нашей... Вагнеръ, вѣрь!

3. Валентинъ.

Я красавецъ въ прусской каскѣ,
Какъ у кайзера, усы,—
Всѣ красотки щурятъ глазки,
Какъ иду я на часы...
Разъ-два, назадъ! Разъ-два, впередъ!
Лѣвой! правой!—вотъ чередъ!

Заглядитесь, liebes Madchen,
На картинку изъ картинъ:
Посмотрите, Лотхенъ, Гретхенъ.
Какъ шагаетъ Валентинъ!
Разъ-два, назадъ! Разъ-два, впередъ!
Лѣвой! правой!—вотъ чередъ!

Всѣ въ шеренгу мы сравнялись,
Рослы всѣ, никто не плохъ...
Deutschland, Deutschland uber alles,
Uber alles Deutschland... Hoch!
Разъ-два, назадъ! Разъ-два, впередъ!
Лѣвой! правой!—вотъ чередъ!

Вео.

Рис. Г. Григорьева.

ГЕРОИЧЕСКІЕ ТИПЫ СОВРЕ- МЕННОЙ ГЕРМАНИИ

или

МОДЕРНИЗАЦІЯ ГЕТЕ.

1. Гретхенъ.

Гретхенъ, Гретхенъ, это ты ли—
Утро чистое весны?
Какъ поблекли, какъ остыли
Романтическіе сны...

Въ парикѣ, въ дешевыхъ блескахъ,
Гретхенъ, Гретхенъ, это ты ль
Подымаешь на подмосткахъ
Неукложемъ танцемъ пыль?

Лишь одну лелѣешь думу
Въ новой жизненной борьбѣ:
Сколотить скорѣе сумму
На приданное себѣ.

Нынче совѣсть не помѣха,—
Слезы, скорбь,—что толку въ нихъ?
И трясется весь отъ смѣха
Толстый бюргеръ—твой женихъ...

Онъ на сцену тычетъ пальцемъ,
Пиво бочками круша:
«Если Гретхенъ съ капиталцемъ,
Значить... значить, хороша!..»

2. Докторъ Фаустъ.

Я философію постигъ,
Я сталъ юристомъ, сталъ врачомъ,—
И нахожу: не надо книгъ,
Мы всѣхъ учить должны мечомъ...

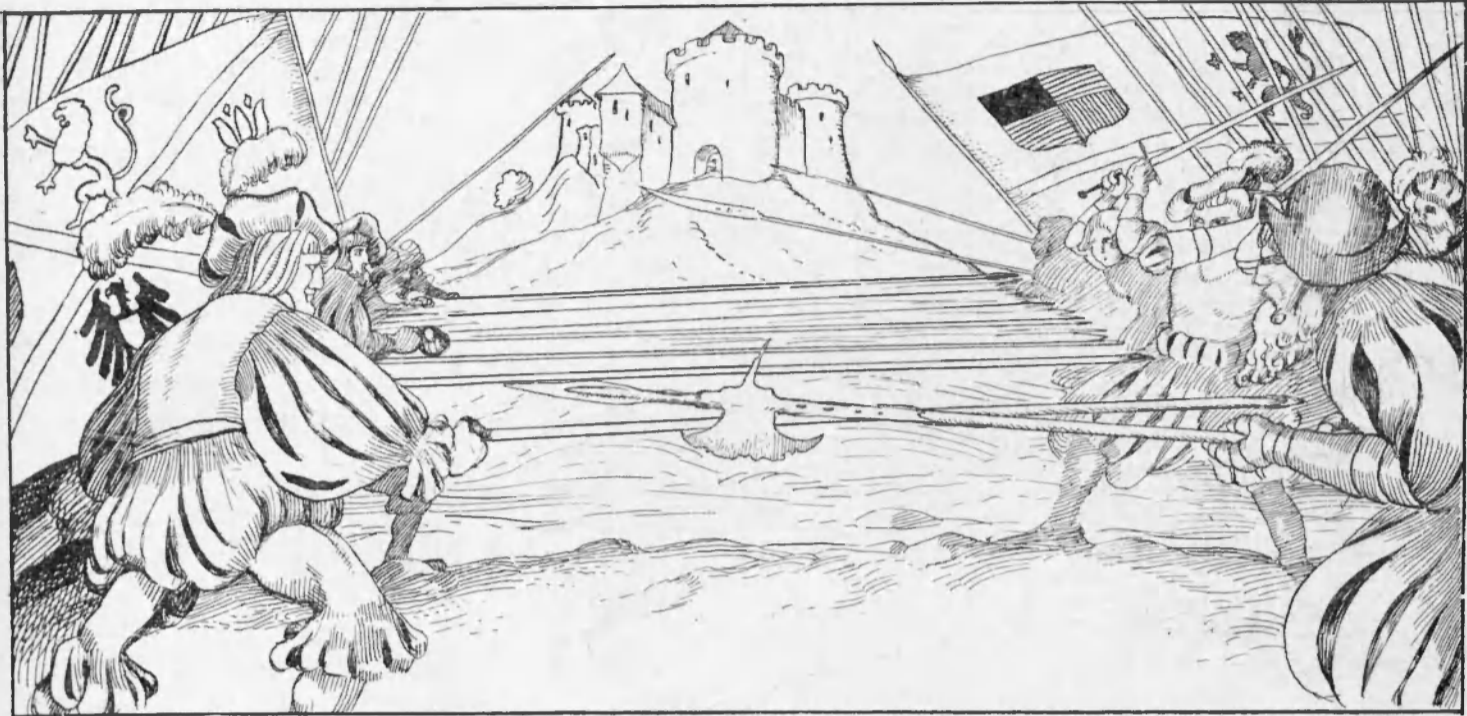
Пусть будетъ юноша здоровъ,
А книги,—чортъ бы ихъ побралъ!
Важнѣй ученыхъ докторовъ
Хорошій прусскій генералъ.

Популярная исполнительница военныхъ пѣсенокъ
въ Парижѣ.

ВОЙНА.

Кар. А. М.

Прежде.

Теперь.

Редакторъ-издатель М. А. Суворинъ.

Завѣд. худ. отдѣломъ Г. А. Магула.

Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“.

Эртелевъ, 13

Цѣна номера 25 коп.

КАРТА ЗАПАДНАГО ТЕАТРА ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ.

